

ходимости, так как довольно полный свод их дан в упоминавшейся книге Федорова. Мы остановимся лишь на трех последних гипотезах советских историков.

В. Г. Федоров, сторонник Орельского варианта, Каялой считает небольшую речку Кривель, протекавшую вблизи слияния Орели с Орельской. Наше отношение к Орельскому варианту было обосновано в начале статьи, поэтому нет смысла опровергать эту гипотезу.

К. В. Кудряшов несколько раз менял свои предположения: в 1937 г. он отождествлял Каялу с Кальмиусом, в 1946 г. — с Макатихой, а в 1959 г. отказался от Макатихи в пользу р. Каменки, протекающей в 4 км к югу от Изюмского кургана. «Указанную реку Каменку (точнее, Мокрую Каменку) мы и считаем настоящей Каялой, — пишет историк, — ввиду полного соответствия названия Каменки с наименованием „Каялы“ в значении каменистая».²⁶ Нам представляется, что при решении такой сложной задачи основываться только на данных лингвистики (притом весьма приблизительных, так как буквальный перевод слова — не 'каменистая', а 'скалистая') и игнорировать множество других важных показателей нельзя. Как было отмечено, Каменка протекает всего в 4 км от Изюмского кургана, бывшего пограничным пунктом русской земли. Между тем, в летописях и «Слове» неоднократно подчеркивается, что события происходят среди земли половецкой, что Игорь далеко зашел к морю.

Б. А. Рыбаков, приводя ряд новых аргументов, категорически настаивает на точке зрения Барсова, согласно которой Каяла — символическая река печали, и призывает отказаться от поисков ее на географической карте. Ученый по-новому объясняет этимологию тюркизма «каялы», считая, что он означает 'печаль', и обращает внимание на то, что в Ипатьевской летописи это слово встречается не в повествовательной, а в риторической части, добавленной, по его мнению, позднее. Хотя соображения Б. А. Рыбакова высказаны в очень категорической форме, они не могут убедить нас в том, что в «Слове» и в летописи Каяла не является конкретным географическим названием. Автор «Слова» 6 раз упоминает Каялу, и в большинстве случаев это слово не дает оснований для истолкования его как образа-символа. Например: «Ту ся кошмь приламати, ту ся саблямь потручяти о шеломы половецкыя, на рѣцѣ на ꙗꙗлы, у Дону великаго!».

Название р. Каялы стоит здесь в одном ряду с географическим названием известной реки, которое как бы уточняет место действия. Трудно предположить, что художественная мысль автора соединила здесь конкретное понятие и слово-символ. Второй пример: «Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы». Как справедливо заметил К. В. Кудряшов, эпитет «быстрая» к «реке покаяния» неприменим и противоречит символическому толкованию. Совсем не вяжется с истолкованием Каялы как образа-символа прямое указание автора «Слова» на то, что Каяла — река половецкая.

В летописи Каяла названа, хотя и в риторической части, но лишенной символического смысла: «И тако, во день святого воскресения, наведе на ня господь гнев свои, в радости место наведе на ны плачь, и во веселье место желю, на реце Каялы». В этом случае мы имеем обычный для летописца оборот речи, не содержащий иносказания и символики: удачи и неудачи всегда объяснялись промыслом божьим. Думается, что следует согласиться с выводом К. В. Кудряшова: «Отказ от поисков географической реки Каялы походит на признание бессилия найти ее на карте, но для такого

²⁶ Кудряшов. Про Игоря Северского, с. 46.